Евстахий Андреей

Троллья чума. Книга 3. Глашатай Ульганда.

18+

Евстахий Андреей

Троллья чума. Книга 3. Глашатай Ульганда.

https://litres.ru/74964638
SelfPub; 2026

Аннотация

Грид по прозвищу Троллья Чума — единственный в Ревгаре авантюрист адамантитового ранга. Его зовут, когда дела совсем плохи, и он давно привык, что после его имени в разговоре становится тише.

Дом на берегу озера. С тех пор к дому прибавились свой отряд, друзья за столом и девушка, ради которой стоит возвращаться с задания живым. Хорошая жизнь, к которой он шёл двадцать лет. Только держится она на одном: чтобы в округе было спокойно.

А спокойно в Ревгаре не бывает долго.

Заказы, за которые ещё вчера дрались, висят на доске нечитанными, гильдия разводит руками, мэр требует ответа.

Грид получает работу, о которой нечего рассказать заранее. Ни драки, ни добычи, ни славы — спуститься в подземелье и посмотреть, что там. Он идёт туда, и очень скоро понимает: страшнее всего не то, что он там найдёт, а то, чего он там не найдёт.

Третья книга о Гриде: арена и дуэли, старая дружба и новая любовь, тяжёлый топор, который всё чаще приходится брать в руки, — и подземелье, где не с кем драться.

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Разведка и новое задание. 15
Глава 2. Награда и праздник. 37
Глава 3. Соревнования часть 1. 56
Глава 4. Соревнования часть 2. 76
Конец ознакомительного фрагмента. 81

Евстахий Андреей Троллья чума. Книга 3. Глашатай Ульганда.

Троллья чума. Книга 3. Глашатай Ульганда.

Пролог

Осень пришла в Ревгар не с листвой. Листва ещё держалась, зелёная и тяжёлая, будто лето задолжало деревьям и они ждали расчёта. Осень началась с воды: озеро остыло первым, и рыба, которая всё лето гуляла где вздумается, вспомнила, что у неё есть дела.

Козырное место Грида узнало об этом раньше самого Грида.

Место было невидное. Три шага камыша, потом обрыв, а под обрывом холодная струя, где в конце лета держится крупная рыба. Грид нашёл его лет в семнадцать, с тех пор ходил сюда, как ходят в собственный дом, и не показывал никому, кроме Биора, с которым они тут же, на косе, обмывали первый улов сезона.

Нынче он пришёл до солнца. Поставил складной стул, который сам же и сколотил из дубовых плашек, потому что всякий другой под ним разваливался, размотал удочку, насадил червя и замер.

Удочка у него была под стать хозяину: удилище в три шага, зачарованное на прочность и на легкость, леска тоже зачарованная, а крючки из адамантия. Когда Грид заказывал их Биору, кузнец посмотрел на заказ, засмеялся и спросил, на какого леща он собирается ловить. Крючки он всё-таки выковал и с тех пор на каждой рыбалке спрашивал, как по-

живает тот лещ.

Плечи в плаще из медвежьей шкуры занимали полберега, а тень от него ложилась на воду так далеко, что поплавок стоял в ней, как свечка в тёмной комнате.

— Ну, — сказал Грид поплавку, — работай.

Поплавок думал.

Над камышом поднялся туман, вода у берега стала цвета старого серебра. Ёкс, который вырос с хозяина ростом и весил больше иного исполина, лежал на траве, положив подбородок на лапы, и смотрел на озеро с тем выражением, с каким полководец смотрит на карту.

Потом по воде пошли круги, вода в трёх шагах вспухла, и из неё показалась голова: волосы как тина, борода как тина, глаза как две мокрые пуговицы. Водяной Муртдин, сосед и давний приятель, отфыркался и утёр лицо ладонью.

— Здорово, Грид.

— Здорово.

— Тень у тебя, — сказал Муртдин, устраиваясь в воде по грудь, — как у горы. Ты на воду посмотри. Куда рыбе идти, если ты полберега закрыл?

— В сторону, — сказал Грид.

— В какую сторону? Я тебе, может, и сочувствую, но рыба тоже живая.

Грид пожал плечами и подтянул удочку на полшага, чтобы поплавок вышел из тени. Муртдин одобрительно кивнул, будто сделал это не Грид, а он сам.

— Тут вчера линей взяли, — сказал водяной. — Двух. У камыша, на закате.

— Знаю.

— Знает он. Они у меня на разводе были, между прочим.

— Мне рыба нужна, — сказал Грид. — Флио уху просила.

— А мне, думаешь, не нужна? — Муртдин вздохнул, и по воде разошлись круги. — Мне семью кормить.

— Ты водяной.

— Вот именно, — сказал Муртдин с достоинством, — я водяной, а не камень. Мне тоже есть хочется.

Поплавок дрогнул и пошёл под воду. Грид подсек так, что удилище согнулось в дугу, и на конце лески заходило что-то тяжёлое и злое. Вода взорвалась, Ёкс вскочил и ударил хвостом по траве, Муртдин нырнул и вынырнул в двух шагах, чтобы не попало.

— Держи его! — заорал он. — Держи, в камыш уйдёт!

— Не уйдёт.

Не ушёл. Грид подвёл рыбину к берегу, взял в руку: окунь, горбатый, в две ладони, тёмный, как мокрая крыша. Грид посмотрел на него и уважительно хмыкнул.

— Хорош.

— Хорош, — согласился Муртдин и подплыл ближе, разглядывая добычу с видом оценщика на торгу. — Этого я тебе прощаю.

Грид снял окуня с крючка, бросил в садок и снова насадил червя, и всё это его огромными, изрубленными в шрамах ру-

ками выходило медленно, аккуратно, почти нежно.

На щуку у него стояла вторая снасть: толстая леска, мифриловый поводок, крючок покрупнее, а на крючке живец. Живца он брал тут же, на того же червя, и мелочь шла одна за другой: плотвички, краснопёрки, мелкие окуньки. Первых трёх он пустил в ведро с водой, а четвёртую, самую бойкую, посадил на крючок и забросил под обрыв, где глубоко и холодно.

Солнце вышло из-за леса, туман ушёл на тот берег. Клевало хорошо, как бывает только в первые холодные дни. За час в садке лежали два подлещика и три окуня, живец ходил в ведре кругами, а большой поплавок у обрыва стоял неподвижно, и Грид поглядывал на него так, как глядят на человека, который слишком долго молчит.

Потом поплавок встал боком и поехал в сторону, будто его тянули за верёвку. Грид подсек, и на том конце лески заходило куда более тяжёлое, чем окунь.

— В камыш идёт! — заорал Муртдин.

Не ушла. Грид подвёл её к берегу, взял под жабры и вытащил: щука в половину его руки, толстая и пятнистая, как обломок старой колоды. Она ещё билась, и зубы у неё были такие, что мифриловый поводок на этом месте казался разумной мыслью.

— Вот, — сказал Грид и показал её водяному.

Муртдин посмотрел на добычу, потом на Грида, потом опять на добычу.

— На уху?

— На уху.

— Ну и правильно, — сказал водяной с облегчением. — Щука на уху — первое дело. Только вари её с окунем, а то одна щука в котле скучает.

Ёкс, которому надоело быть полководцем, поднялся, потянулся до хруста в спине, подошёл к садку, посмотрел в него и вопросительно обернулся.

— Нет, — сказал Грид.

Ёкс моргнул.

— Нет, — повторил Грид.

Ёкс лёг рядом с садком. Через минуту его хвост лежал на садке, будто случайно.

— Я вижу.

Хвост убрался.

Муртдин всё это время висел в воде по грудь и болтал, как болтает человек, который за день переговорил с рыбами и теперь навёрстывает на людях. Новости у него были такие: у плотины поселилась выдра и ведёт себя нагло; карасей в этом году меньше, зато краснопёрки больше; а на том берегу, где раньше был хороший лягушачий луг, третий день тихо.

— То есть как тихо? — спросил Грид.

— А так. Ни лягушек, ни птицы. Стою вчера под вечер, слушаю: будто одеялом накрыли. И вода с привкусом.

— С каким?

— Железным, — сказал Муртдин и тут же махнул рукой:

— Да ну. Может, я просто старый и мне везде мерещится.

Грид посмотрел на тот берег. Там стоял лес, ровный и спокойный, и над ним ходили вороны, и ничего такого в этом не было.

— Проверю, — сказал он.

— Проверь, — согласился Муртдин. — Только не сегодня, а то у тебя ещё два червя.

Грид промолчал. Он смотрел, как поплавок снова вздрагивает и уходит в воду, и подсекал ровно в тот миг, когда в доме на берегу Мария ставила на стол горячую сковороду, Флио выглядывала в окно, а Фрэд, уже в кольчуге, шёл к сараю за копьём.

К полудню улов лежал на столе во дворе: в дом с рыбой Мария не пускала, сначала вымой, потом заходи. Щука не поместилась и свисала хвостом с края, а рядом стоял садок с окунями и подлещиками и ведро, где ещё ходила живецовая мелочь.

Флио выскочила на крыльцо босиком, в одном платье, и остановилась в трёх шагах.

— Это она? — спросила она шёпотом.

— Она.

— Такая большая.

— В половину руки, — сказал Грид и поставил ногу на ступеньку, будто и не для неё всё это говорил. — На живца взял. Окуней три, подлещиков два, а эту вот.

Флио обошла стол кругом, наклонилась к зубам и посмот-

рела на них с уважением.

— А она тебя не укусила?

— Она мёртвая.

— Всё равно, — сказала Флио.

Из окна высунулась Мария, сказала, что если девочка сейчас же не обуется, уха будет без неё, и Флио убежала, оглядываясь.

И тут Грид наконец увидел Фамулуса.

Голем стоял у бочки с водой, и на нём был передник. Белый, чистый, с широким карманом, тот самый, что Мария надевала по праздникам. Сидел он на Фамулусе ладно, как на человеке: голем был ростом с невысокого мужика и худ, как жердь, потому что адамантия на такое тело уходило немного, а стоил этот адамантий как половина Ревгара. Смешным было именно это: опрятный, аккуратно завязанный фартук на фигуре без лица.

Грид сел на ступеньку.

— Ох, — сказал он.

Фамулус повернул голову. На ровной пластине, где у людей лицо, углём были нарисованы глаза: один большой, круглый, другой поменьше, и улыбка от края до края, с ямочками. Ямочки Флио старалась особенно. От усердия у неё, видимо, дрогнула рука, и одна ямочка получилась больше другой, отчего голем выглядел не добрым, а слегка безумным.

Грид засмеялся так, что с крыльца сорвалась сорока.

— Нельзя, — сказал он, вытирая глаза. — Нельзя так сто-

ять, Фамулус. Я же пить не смогу, у меня всё из рук.

Фамулус стоял.

— Он старается, — сказала Мария, выходя с полотенцем на плече. — И, между прочим, чистит лучше тебя. Ты вон в чешуе весь.

— У него руки из адамантия.

— Вот и я говорю: лучше тебя.

Фамулус поднял нож. Он держал его аккуратно, за самый край рукояти, и чистил рыбу короткими точными движениями, а потом складывал тушки в миску рядком, будто на смотре. Чешуя ложилась в ведро, ведро не падало, вода не разливалась. Руки, которыми можно было выгнуть кузнечную решётку, снимали с окуня кожицу так, что та сходила чулком.

— Это я ему нарисовала, — сообщила вернувшаяся Флио, уже в башмаках. — Чтобы он не был страшный.

— Помогло, — сказал Грид.

Фамулус кивнул. Он вообще больше кивал, чем говорил, и от этого с ним было легче, чем с половиной Ревгара.

Фрэд пришёл с тренировочной площадки мокрый насквозь, с копьём на плече, и Мария отправила его мыться, не слушая возражений. За столом он сел последним, пахнущий мылом и железом.

— Муртдин говорит, на том берегу тихо, — сказал Грид, разливая уху. — Ни лягушек, ни птицы. И вода с привкусом.

— С каким?

— Железным.

Фрэд подумал.

— Завтра сходим?

— Завтра.

Уха получилась такая, что Флио попросила добавки, а Ёкс, которому досталась голова и хвост, отнёс их под лавку и там долго грыз, урча на весь дом.

— Возьмёшь меня на рыбалку? — спросила Флио, когда посуда была убрана.

— Возьму, — сказал Грид. — Года через три.

— Мне уже восемь.

— Вот через три и будет одиннадцать.

Флио надулась так, что стали видны все веснушки, и ушла к Фамулусу жаловаться, и голем, выслушав, погладил её по голове той рукой, которой не держал нож.

А Грид вышел на крыльцо и посмотрел через озеро. Тот берег стоял в дымке, ровный, тёмный, и над ним, как всегда, ходили вороны. Только ворон было больше, чем вчера, и летели они не в лес, а из леса.

Глава 1. Разведка и новое задание.

Через озеро переправились на рассвете, когда туман ещё держал воду.

Лодка была на двоих, и Грид с Гвен сидели в ней плечом к плечу. Ёкс лежал на носу, положив морду на борт; когда лодка кренилась, он переставлял лапы с таким достоинством, будто это не он, а озеро качается.

— Правее, — сказал Грид.

Гвен гребла коротко и ровно. Весло входило в воду без стука, и лодка шла без рывков, так что слышно было только, как вода сходит с лопасти. Мифриловая сабля лежала у неё под рукой, лук и колчан — под плащом на дне, и она то и дело трогала их локтем, будто проверяла, на месте ли.

— Тише бы, — сказал Грид.

— Я и так тихо.

Посреди озера туман стал плотным, и звук ушёл: ни чаек, ни плеска, ни ворон. Только вода под веслом. Грид, который знал это озеро с семнадцати лет, поймал себя на том, что ждёт, когда с того берега залает собака. Собак на том берегу не было.

Гвен вдруг перестала грести. Она подняла голову, повела носом, и уши у неё развернулись вперёд.

— Кровь, — сказала она.

Грид потянул воздух. Пахло железом, как в кузне, когда

Биор промывает только что откованную полосу. Он наклонился, зачерпнул горстью и не стал пить. Раньше он всегда пил из озера.

У самой кромки на песке лежало тёмное пятно и уходило в воду широкой полосой.

Лодку вытащили. Ёкс спрыгнул первым, прошёл два шага и остановился, опустив голову.

Стан стоял на косе, как его и оставили: навес из жердей, накрытый парусиной, под навесом костёр, сеть на рогульках, две лодки, одна вытащена на песок, вторая вползла в воду носом и замерла. На жерди висели вяленые лещи, и ни одна ворона их не тронула.

Первое тело лежало у воды лицом вниз. Мужчина лет сорока, рубаха на спине разодрана в трёх местах, вода вокруг рук бурая. Второе лежало под навесом, у самого костра; этот успел встать, успел взять нож.

Грид присел над первым, перевернул его на спину и посмотрел в лицо. Лицо было знакомое: с того берега, рыбачили на карасей, оба кланялись, когда он проходил мимо. Имён он не помнил.

— Кто их так? — тихо спросила Гвен. Она стояла в трёх шагах, не подходя ближе, и руку с сабли не убрала.

Грид посмотрел на раны: три полосы, глубокие, наискось, от плеча к бедру. Такие оставляют когти, и такие когти бывают у больших.

— Не грабили, — сказал он. — Сеть цела, улов в садке,

котелок только опрокинули.

— Ушли?

— Никто не ушёл.

Уши у Гвен прижались к голове, хвост ходил из стороны в сторону, но с места она не сдвинулась.

Ёкс подошёл к телу у воды, обнюхал песок, ткнулся носом в рукав и тихо, на одной ноте, зарычал. Шерсть у него встала на загривке, и смотрел он не на мёртвых, а в лес.

Следов было много.

Они начинались у воды, шли через косу, мимо навеса, мимо костра, и уходили в лес. Круглые, когтистые, разного размера: были отпечатки с ладонь, были такие, что Грид мог накрыть только двумя руками. Трава между ними была примята ровно, полосой шагов в десять, и в этой полосе не осталось ни одного следа, который повернул бы назад.

Грид прошёл по косе вдоль этой полосы до самого леса, потом вернулся и прошёл снова, считая. Гвен шла рядом, ставя ноги так, что под ней не хрустнуло ни одной ветки.

— Они шли строем, — сказал он.

— Строем? — Гвен подошла ближе. — Монстры?

— Монстры.

Грид присел над отпечатком, который был глубже остальных, и прикинул: тварь тяжёлая, шаг широкий, и шла она не торопясь. Так идут, когда никто не гонится и спешить некуда.

Гвен присела рядом и приложила к следу ладонь. Ладонь

утонула в нём по запястье.

— Вот этот шёл последним, — сказала она. — Трава за ним ровная. Он не бежал.

— Никто не бежал, — сказал Грид. — Они шли не за добычей. Шли мимо. Эти двое просто оказались на дороге.

Гвен обвела взглядом косу, навес, вяленых лещей на жерди.

— В ту сторону подземелий нет, — сказала она. — Ближние все на юг и на север.

— Значит, шли не из подземелья, — сказал Грид.

— А откуда?

Грид не ответил.

Он поднялся, вытер ладони о штаны и посмотрел на запад, куда уходила примятая полоса. Лес там стоял тихий, ровный, и не было в нём ничего, кроме деревьев.

— Похороним их, — сказал Грид. — Потом в гильдию.

Ёкс всё ещё рычал.

В гильдию собрались к полудню, полным составом, каким этот отряд ещё не выходил: Грид, Гвен, Фрэд, Лаки и Фамулус, который держался в трёх шагах позади и на людях старался никого не задевать плечом.

Пугать было чем. Половина очереди у доски обернулась, когда в дверях появилась фигура в глухом плаще, с закрытым лицом и двумя саблями на поясе. Кто-то сказал вслух, что это нежить и надо звать стражу; кто-то другой ответил, что нежить на солнце так не ходит.

— Это Фамулус, — сказал Грид, не поворачивая головы. — Он со мной.

Очередь расступилась.

Кети за стойкой уронила перо, поймала его, уронила снова и заулыбалась так, что стали видны все ямочки.

— Грид! Ты давно не заходил.

— Дирк у себя?

— У себя. Но у него там...

Грид уже шёл к лестнице.

Дирк сидел за столом, и перед ним лежали три карточки, разложенные веером, и он смотрел на них, как смотрят на плохие новости. Ему было шестьдесят два, седины в бороде прибавилось, но плечи он держал так, что казалось, будто он и сейчас может двинуть головой.

— Садись.

Грид сел и рассказал коротко, как умел: стан на том берегу, двое мёртвых, когти, вода с кровью, следы от воды в лес, полоса в десять шагов и ни одного обратного.

Дирк слушал, не перебивая. Когда Грид закончил, он ещё с минуту молчал, потом убрал карточки в ящик и закрыл его.

— Разведку пошлю, — сказал он. — Сиаэл отправит двоих с утра, а я напишу Слору, чтобы на том берегу прибавили стражу. Только, Грид, скажу то, что говорю редко: я не понимаю, что это. Монстры строем не ходят. Стая идёт за вожаком, а тут полоса в десять шагов, и ни одного обратного следа.

— Я тоже не понимаю, — сказал Грид.

— Вот и договорились, — сказал Дирк. — Пошлём людей и подождём, что они принесут.

Он помолчал.

— А теперь то, за чем я тебя ждал. — Дирк выдвинул ящик и достал лист. — Вчера с востока пришёл обоз. На тракте, верстах в тридцати, у старых каменоломен, видели кого-то, похожего на минотавра. Три метра, рога, хвост, с обочины ворочал камни. Возчики проверять не стали. — Он положил лист перед Гридом. — Двадцать золотых от гильдии и пять от торговцев, если принесёшь камень с него или голову. Разведку туда не пошлёшь, у нас таких бойцов нет.

— Возьму, — сказал Грид.

— И вот ещё что. — Дирк подался вперёд и понизил голос. — Возьми с собой Лаки. Это у него последнее задание.

Грид поднял глаза.

— Перед повышением?

— Да. — Дирк откинулся на спинку. — Он счёт давно не ведёт, а я не хочу, чтобы он узнал от бумажек. Скажешь ему после, в зале, как положено. До тех пор ни слова.

Внизу Лаки сидел на лавке рядом с Фрэдом, свесив хвост через край, и что-то рассказывал, размахивая лапой.

— Ну что? — спросил он, увидев Грида. — Минотавра идём брать? Я его вблизи никогда не видел. Говорят, из-за рогов он в дверь не проходит.

— Идём, — сказал Грид.

— А разведка, значит, не мы?

— Не мы.

Лаки потянулся так, что хрустнуло в плечах, и снял сабли со стойки.

Фамулус у двери повернул голову к Гриду и ждал, как ждал всегда, пока ему не скажут, куда идти.

На восточный тракт вышли через час. До каменоломен было два дня пути, если не встревать в каждую драку по дороге.

На ночёвку встали, когда солнце село за спину и тракт стал серым. Место выбрали старое, хоженое: круг вытоптанной земли, обложенный камнями, чёрные головешки в середине, рядом ручей.

— Я разожгу, — сказал Лаки и уже поднёс лапу, но Гвен его опередила: дунула на пальцы, и хворост занялся с одного края.

Лаки посмотрел на неё с обидой и щёлкнул пальцами сам. Его огонёк сел с другой стороны, зашипел, чуть не погас и всё-таки взялся.

— Тоже умею, — сказал он.

Грид щёлкнул пальцами, и между этими двумя огоньками сразу занялась середина, ровно, без дыма.

— Вот так, значит, — сказал Лаки. — А я, выходит, зря двадцать лет с трутом вожусь. Ты мне это покажешь?

— Покажу.

— Он не показывает, — сказал Фрэд, ставя котелок. —

Он говорит, что это скучно.

— Скучно ему.

С Лаки на привале стало веселее, и это было заметно всем: он говорил без пауз, размахивал лапами, поддевал Фрэда, рассказывал про то, как в Ситгаре один рыбак поймал сетью собственную жену, а потом полгода с ней не разговаривал, потому что она была не того сорта. Гвен смеялась в голос, чего с ней в последние недели не случалось; Фрэд улыбался в котелок.

Фамулус стоял у края света.

Он не садился к огню, не ел, не уставал. Когда стемнело, он просто повернулся спиной к лесу и стал смотреть в темноту, и было слышно, как шелестит ткань плаща, когда он переводит голову с одного звука на другой.

— А он ночью как? — спросил Фрэд.

— Никак, — сказал Грид. — Он не спит.

— Совсем?

— Совсем. Так что ложись, караул есть.

Фрэд посмотрел на голема с сомнением, но лёг, и через четверть часа уже спал, как спят люди, которым завтра в бой и которые решили, что будут спать, что бы ни было.

Гвен пристроилась у костра, натянув капюшон на уши. Лаки ещё долго рассказывал что-то в темноту, потом затих.

Грид лежал с открытыми глазами.

Раньше, на привалах, к нему приходил гость. Молодой мужчина в плаще из дымки, который появлялся без шагов

и без запаха, садился с другой стороны огня и говорил загадками. Он многое знал. Он знал такое, чего не знал никто в Ревгаре, и никогда не говорил этого прямо, а всё больше спрашивал и намекал, и уходил раньше, чем становилось ясно, о чём был разговор.

В последний раз он сказал больше обычного. Грид тогда не придал этому значения, а теперь, глядя в огонь, думал, что, может быть, тот просто ушёл и больше не вернётся, потому что в прошлый раз переступил какую-то свою черту.

Прямо он не говорил никогда, и это было не кокетство. За прямые слова тому, кто смотрит из темноты, приходится платить, и, судя по тому, как осторожно он подбирал даже намёки, плата была не из дешёвых. Грид не знал, чем именно, и не спрашивал.

Он лежал, слушал, как потрескивает хворост, и вспоминал последний бой.

Тогда, на площадке в зарослях, когда Джек уже лежал, а дракон ещё держался, Грид поднял Дикую доблесть. Каменная плита посреди площадки была разломана изнутри: дракон вылез через неё, и обломки лежали вокруг, как отвалившиеся куски стены.

— Дикая доблесть, — сказал Грид вслух.

Способность без слова не берётся, так уж устроено, и название он произнёс ровно, как произносят приказ самому себе. И вокруг него поднялась дымка. Серая, густая, тяжёлая, она не расходилась по ветру, а стояла вокруг плеч и над

головой, как плащ, и в ней было холодно так, как бывает холодно только в чужом сне.

Гвен потом сказала, что ей на миг показалось, будто за его спиной кто-то стоит.

Грид списал это на кровь и на усталость. А вот дымку не списал: он узнал её сразу, ещё там, на площадке. Такой же серой, густой и холодной она лежала на плечах того, кто приходил к его костру и говорил загадками.

Что это значило, он не знал и спросить было не у кого. Он лежал, слушал, как потрескивает хворост, и думал, что впервые за много лет ему не хватает чужого голоса с той стороны костра.

Он поднялся, когда огонь сел и угли подёрнулись пеплом.

— Фамулус, — позвал он негромко.

Голем повернул голову. Он стоял там же, где встал вечером, и в темноте его плащ не отличался от темноты.

— Нужно что-нибудь? — спросил он.

Голос у него был сухой и негромкий, будто говорил не человек, а камень о камень. Слова он выговаривал чисто, только с паузами, будто каждое сначала взвешивал.

— Нет, — сказал Грид. — Просто поговорить.

Фамулус помолчал, потом кивнул и повернулся к нему всем корпусом, потому что разговаривать вполоборота не умел.

— Тебе нравится с нами? — спросил Грид.

Он сам не знал, зачем спросил. Может, потому, что за ме-

сяц с лишним не слышал от голема ни жалобы, ни просьбы, и это начинало его беспокоить.

Фамулус думал недолго, ровно столько, сколько нужно, чтобы ответить честно.

— Да.

— Почему?

— Мне не хочется уходить, — сказал Фамулус. — Это всё, что я могу сказать точно.

Грид посмотрел на него. Под капюшоном не было видно ни нарисованного лица, ни пластины, только темнота.

— С Джеком было иначе, — сказал Грид.

— Джек меня создал, — сказал Фамулус. — И держал при себе как инструмент. Инструмент не спрашивают, хочет он или нет. Его берут и делают им работу.

Он помолчал, будто проверял, верно ли выходит.

— Здесь меня не берут. Я стою сам. И уходить отсюда мне не хочется.

Грид сел на камень у костра и подбросил хворосту. Огонь взялся с одного края, потом с другого.

— Печать тянет? — спросил он. — Когда приказываю.

— Тянет, — сказал Фамулус. — Когда приказываешь, я не могу не сделать. Но ты приказываешь редко. Ты спрашиваешь.

— Спрашивать проще, — сказал Грид. — Прикажешь, а потом сам думай, что натворил.

Голем ничего не ответил, и Грид вдруг понял, что тот, на-

верное, за месяц с лишним ни разу не слышал от хозяина ничего похожего.

— Ты мне нужен, — сказал он. — И Флио ты нужен. Она тебя считает за старшего брата.

— Я не живой.

— Вот и я говорю, но всё же.— Сказал Грид.

Он вернулся к своему месту, лёг и натянул плащ до подбородка. Фамулус снова повернулся спиной к лесу и стал смотреть в темноту.

Гостя в эту ночь не было. Но у костра всё-таки говорили, и Грид заснул быстрее, чем за все последние недели.

К каменоломням вышли на второй день к вечеру.

Сначала тракт пошёл в гору, потом лес кончился, и впереди открылась выеденная земля: ямы, отвалы щебня, белые срезы камня в рост человека, телеги без колёс, брошенные с той поры, когда здесь ещё работали. Ветер гонял пыль.

— Тихо, — сказала Гвен.

Вещи оставили в кустах. Гвен ушла вперёд, и была она тиха так, что даже сухая трава под ней не шуршала. Вернулась через четверть часа и села на корточки рядом с Гридом.

— Там дом, — сказала она.

— Какой дом?

— Каменный. Большой.

Дом стоял в старой выработке, у самой стены карьера. Четыре стены из камня, сложенного без раствора, каждый камень в половину Грида; крыша из стволов, сваленных валом,

поверх — дёрн. Где камень не лез, там торчал угол, и весь дом был кривой, как сарай, который строили на скоро. Над крышей вился дым. У входа лежало бревно, заменявшее скамью, рядом — обглоданные кости и шкура, растянутая на камнях.

— Он себе хоромы поставил, — сказал Лаки.

Из-за угла вышел хозяин.

Он был три метра с небольшим, широкий в плечах, с бычьей головой и хвостом, и он тащил на плече ствол, который человек бы не поднял втроём. Нёс он его небрежно, как несут палку, и на ходу поддел рогом низкую ветку.

— Минотавр, — сказал Грид.

Отступление.

— Грид, — очень тихо сказал Лаки. — А вон та скала...

За домом поднялась вторая фигура. Грид сначала и правда принял её за скалу: серая, бугристая, в два человеческих роста с лишним. Потом скала повернулась, и стало видно один глаз во всё лицо, толстые руки и грудь, которой позавидовала бы любая кормилица в Ревгаре.

— Циклоп, — сказала Гвен.

— Циклопа я видел, — сказал Лаки, не отводя взгляда. — Это циклопиха.

— Не смотри.

— Я и не смотрю.

Фрэд отвернулся и с большим интересом стал изучать трещину в камне у себя под ногами.

— Хватит, — сказал Грид. — Смотреть по сторонам, а не туда.

Циклопиха между тем подошла к минотавру, взяла у него ствол одной рукой и поставила к стене дома, будто он весил не больше лопаты. Минотавр что-то прогудел, она ответила низким, спокойным голосом, и оба пошли к костру у входа.

— Двое, — сказал Грид. — В бумагах был один.

— В бумагах много чего не пишут, — сказала Гвен.

— Плата та же? — размышлял Лаки.

Грид смотрел на них и считал.

Минотавр был ему по силам, такие попадались: сильный, злой, в ярости не думает. Циклопиха была тяжелее любого циклопа, которого он видел, и один её глаз означал, что промахнуться по ней трудно, а попасть больно. Обломки камня вокруг давали им укрытия, а дому — стены, за которыми можно сидеть.

— Слушайте, — сказал Грид. — Гвен, её глаз твой. Сверху не бей, там камень, бей с земли, когда она наклонится. Лаки, в морфозу и на левую, отсекай её от дома. Фрэд, защищаешь Гвен . Фамулус...

Голем повернул голову.

— Идёшь за мной. Бьёшь то, что я не успею.

— Понял, — сказал Фамулус.

Лаки уже стягивал куртку.

— Только одно, — сказал он, глядя на дом. — Если она меня заметит, я не буду драться с ней первым. Я лучше с

минотавром.

— Почему?

— У неё глаз один, а рук две, и обе больше меня.

Грид хмыкнул, поднялся во весь рост и взял Черепокол с земли.

Минотавр у костра вдруг перестал жевать и повернул голову в их сторону. Он принюхался, фыркнул и заревел так, что с крыши дома пошла пыль.

А Лаки, вместо того чтобы пригнуться, шагнул из-за отвала на открытое место и заорал:

— Эй! Красавица! Сюда смотри!

Циклопиха повернулась на голос.

Тетива щёлкнула один раз. Стрела вошла ей в глаз по самое оперение, и вокруг древка пошёл дымок, словно капнули кислотой на раскалённый камень. Циклопиха завопила так, что у Грида заложило ухо, схватилась за лицо обеими руками и села на пятки, и от этого удара под ней треснула земля.

Она была слепа.

— Фамулус, за Лаки! — крикнул Грид.

— Понял, — сказал голем и пошёл.

Шёл он по камням так, что плащ не успевал за ним, и через три шага обогнал Лаки, а Лаки только голову повернул ему вслед.

Минотавр бросился к ней.

Он не думал, куда бежит, он просто летел напрямик, через костёр, разбрасывая угли, опустив рога, и было в этом что-то

до того человеческое, что Грид на миг даже не поднял топор. Потом поднял.

Он шагнул наперерез и рубанул наискось. На такое хватало рук, способность была ни к чему.

Черепокол вошёл минотавру в колено.

Не в бок, не в шею: колено, единственное место, где у такой туши можно что-то отнять. Лезвие прошло сквозь мясо и сухожилие, минотавр взревел на другой лад и рухнул на одно колено, а рогом пропахал в камне борозду длиной в два шага.

Дальше было не до счёта.

Фамулус и Лаки взяли циклопиху с двух сторон. Она была слепа, огромна и била вслепую, а они были маленькие и злые. Сабли Фамулуса мелькали коротко, без замаха, и там, где они проходили, на серой коже оставалась белая полоса, будто иней по стеклу. Лаки рубил ниже, по связкам, по подколенкам, и с каждым ударом её ноги подламывались всё сильнее.

Она махнула рукой и снесла угол дома. Камни полетели, крыша просела, из-под неё посыпались сучья.

— Лаки! — крикнула Гвен, не опуская лук. — Метаморфоза!

— Не нужна! — отозвался Лаки и снова ушёл в сторону, легко, как танцующий.

Он и правда не стал меняться. Дрался так, как дрался всегда, двумя короткими мечами, и было видно, что ему это в

удовольствие: он даже успевал поглядывать, где ещё стоит Фамулус, чтобы не столкнуться с ним плечом.

Циклопиха встала на колени и вытянула руки, шаря по воздуху.

Фрэд стоял перед Гвен, держа щит наизготовку, и копьё у него в руке ходило ходуном, но он не сдвинулся с места, потому что ему было сказано защищать.

Минотавр поднялся.

Он поднялся на разбитом колене, поставил копыто, выпрямился, и теперь смотрел не на Грида, а туда, где двое кромсали его циклопиху.

Минотавр похромал к ней.

Он прыгал на одной ноге, волоча разбитую, копыто скребло по щебню, и каждый шаг давался ему с таким усилием, что под шкурой ходили мышцы. На Грида он не смотрел. Он смотрел на циклопиху и тянул к ней лапы, будто мог дотянуться через десять шагов.

— Стой, — сказал Грид, догоняя.

Минотавр его не слышал.

Второй удар пришёлся по целому колену. Минотавр рухнул на грудь, рогом пропахав камень, и Грид отступил на шаг, ожидая рева.

Рева не было.

Минотавр пополз. Копыта скребли по щебню, из горла шёл хрип, не похожий ни на рев, ни на стон. Он полз к ней, и на полпути снова поднял лапу и потянулся, и ладонь у него

была раскрытая, как у человека, который просит руку.

Циклопиха, слепая, повернула голову на этот звук и что-то прогудела низко и коротко.

Фамулус стоял рядом с ней и ждал.

Она шарила руками по воздуху, и одна её рука прошла в пяди от его плеча. Голем шагнул вплотную, коротко, без замаха, провёл саблей по шее, потом ещё раз и ещё, и на серой коже выступил иней. Циклопиха забулькала, схватилась за горло обеими руками и завалилась на бок. Камни под ней дрогнули.

Минотавр взвыл.

Грид взошёл ему на спину, как на мост, и остановился между лопатками. Под ногами ходило дыхание.

— Усиление, — сказал он вслух.

Черепокол поднялся и опустился. Шея у минотавра была толстая, как ствол, и одного удара не хватило, но второго хватило.

Минотавр вздрогнул и обмяк. Лапа, протянутая вперёд, осталась лежать на камне, не дотянувшись до её руки двух шагов.

Стало тихо.

Пыль ещё стояла в воздухе, оседала на плечи, на шкуру, на клинки. Угол дома, подломленный циклопихой, просел и теперь трещал, роняя мелкие камни.

Грид спустился со спины, вытер топор о шерсть и только тут понял, что слышит собственное дыхание слишком гром-

ко.

Гвен опустила лук. Лаки стоял, держа оба меча вниз, и смотрел на протянутую лапу.

— Он к ней полз, — сказал он.

— Видел, — сказал Грид.

— Вот и воюй после этого с минотаврами.

Фрэд стоял у отвала, бледный, и копьё у него в руке всё ещё ходило ходуном. Он его не опускал, пока Грид не сказал:

— Всё. Опусти.

Фамулус отошёл от циклопихи, и на саблях у него таял иней.

— Голову возьмём? — спросил Лаки.

— Возьмём, — сказал Грид. — И камень с неё тоже, там в бумагах про камень было. Потом уходим.

Гвен подошла к телам, посмотрела на них сверху и отвернулась.

— Он ей дом построил, — сказала она тихо.

— Построил, — сказал Грид.

Он снял шлем, вытер лицо рукавом и сел на камень, как всегда после хорошей драки.

— Плохая битва, — сказал он.

Никто не стал спрашивать, что он имеет в виду. Все видели, тоже самое.

— Я понимаю, что они бы по итогу нападали на караваны, а то и на деревню какую. Циклоп в ярости деревню в щепу разносит, я это видел. Понимаю, что другого конца тут не

было. — Он помолчал. — Но у меня всё равно паршивое послевкусие после боя.

— Да, есть такое, — подтвердил Лаки и сел рядом, вытянув ноги. — Я один раз такую же парочку застал. Не минотавров, этих, с крыльями... Они гнездо вили. Я тогда забрал плату и три дня не мог есть мясо.

— Мне их даже жаль, — сказала Гвен.

Она всё ещё стояла над телами, и хвост у неё висел неподвижно, что бывало редко.

— Жаль, — согласился Грид. — Только жалеть их — это не то же самое, что оставлять жить.

Фрэд подошёл, всё ещё бледный, и копьё он наконец поставил на землю, древком в щебень.

— А если бы они не тронули никого? — спросил он. — Если бы просто жили тут?

— Тогда бы мы их не искали, — сказал Грид. — Нас послали, потому что обоз видел минотавра у тракта. Минотавр у тракта — это уже не «живёт». Это «ждёт».

Фамулус подошёл и встал рядом, и все замолчали, потому что голем говорил редко и обычно не зря.

— Он полз к ней, — сказал Фамулус. — Не по приказу. Приказа здесь не было.

— Вот это и паршиво, — сказал Грид.

Голем повернул к нему голову и ничего не добавил.

Голову минотавра взяли у самого края карьера, где камень был чистый. Грид рубил дважды, потом поднял и уложил в

пространственный мешок, и мешок на секунду отяжелел у него на поясе. Лаки тем же временем обшарил дом.

Дом внутри оказался лучше, чем снаружи. Земляной пол был утоптан до блеска, у стены лежали шкуры, сложенные одна на другую, и стоял длинный камень, обтёсанный так, чтобы на нём можно было сидеть. В углу валялись обломки ящиков, сбруя с обрезанными ремнями и кости лошадей, аккуратно оттащенные к дальней стене. Пахло дымом, шерстью и кислым.

— Вот и ответ, — сказал Лаки, выходя и вытирая ладони о штаны.

— Много?

— Двух лошадей точно, и ящики чьи-то. С клеймом.

Грид кивнул.

Солнце садилось в пыль, когда они вышли из карьера на тракт. За спиной трещал просевший дом. Грид шёл последним и один раз обернулся: в выработке было пусто и тихо, только ветер гонял пыль по отвалам.

— Мне одному кажется, что мы вернёмся и найдём тут ещё кого-нибудь? — спросил Лаки. — Дом-то крепкий. Под крышу любой дурак встанет.

— Не найдём, — сказал Грид. — Мы его сейчас сожжём.

Лаки остановился.

— Ты сказал — уходим.

— Сожжём и уйдём. Чтобы не тянуло.

Они вернулись и подожгли крышу. Дёрн на ней был сухой,

стволы смолистые, и занялось быстро, с гулом, и вскоре над карьером стоял столб дыма, далеко видный с тракта.

Грид смотрел на огонь и думал, что дело закрыто: голова в мешке, дом горит, плата считана. Оставалось дойти до города и получить своё.

— Назад на тракт, — сказал он. — До темноты отойдём подальше.

Глава 2. Награда и праздник.

В город вошли к вечеру, и на воротах их задержали дольше обычного.

Стража сначала посмотрела на Фамулуса, потом на сумку Грида, и десятник долго решал, что из этого опаснее. Потом Грид полез в сумку и вытащил оттуда за рог бычью голову, и десятник посмотрел на голову, потом на сумку и махнул рукой: проходите.

В гильдии было шумно. У доски толпились авантюристы, кто-то спорил из-за задания, кто-то делить добычу, и когда они вошли всей пятёркой, разговоры на минуту стихли.

Кети за стойкой всплеснула руками.

— Взяли?

— Взяли, — сказал Лаки и хлопнул ладонью по стойке. — Обоих.

— Один был? — спросила Филиция, выглядывая из-за бумаг.

— Два, — сказал Лаки. — Циклопиха. С такими... формами, что я до сих пор немного возбуждён.

— Не слушайте его, — Гвен закатила глаза.

Дирк вышел из кабинета сам, не дожидаясь, пока за ним придут. Он кивнул Гриду, и голову вытащили из сумки и положили прямо на стойку, на чистую тряпку, которую Кети успела подстелить.

Он обошёл стол кругом, посмотрел на рога, потрогал шерсть и повернул голову срезом к свету.

— Как брали?

— Сначала Гвен выбила циклопихе глаз, — сказал Грид. — Минотавр пошёл на нас, я срубил ему колени, шею перерубил, когда он уже полз.

Дирк хмыкнул. Из ящика он достал не деньги, а лист, вписал в него две строки и приложил печать: двадцать золотых от гильдии и пять сверху от торговцев.

— К вечеру будут на счету отряда, — сказал он. — Делите сами.

— Хоть тут считаться не надо, — сказал Лаки. — А то я к бумажкам прикасаюсь редко, и всякий раз не к тем.

— А теперь вот что, — сказал Дирк. — Кети, Филиция, соберите всех, кто сейчас в гильдии. Кто во дворе курит, тех тоже. Чтобы через четверть часа стояли здесь, у стойки.

— Всех? — спросила Кети, не поднимая пера.

— Всех, кто есть. Дело не военное, но при всех.

В зале загудели: авантюристы не любят, когда их сгоняют без объяснений, и ещё больше не любят, когда объяснений не дают вовсе. Кети уже бежала к двери, Филиция складывала бумаги в ровную стопку.

Лаки облокотился на стойку и с удовольствием смотрел, как наполняется зал.

— Люблю, когда так, — сказал он. — Все бегают, а мы стоим.

Дирк повернулся к Гриду.

— Пойдём, поговорим.

Говорили на заднем дворе, у поленницы, где никто не слушал. Дирк сел на чурбак, вытянул больную ногу и поставил на колено локоть.

— Разведчики вернулись, — сказал он.

— И?

— След потеряли. Дошли до воды, до зарослей, и там как отрезало: ни одного отпечатка, ни помятой травы, ничего. Один из них говорит, будто они вильнули и пошли по камышу, а другой говорит, что не вильнули, а просто кончились.

— Кончились?

— Растворились, — сказал Дирк. — Вода, или трава, или что у них там. Как я тебе и говорил, я не понимаю, что это.

Грид помолчал.

— Сколько их было?

— Двоих отправил, больше не мог. — Дирк посмотрел на него. — И вот ещё что тебе не понравится. За эти дни в гильдию пришли ещё двое, с разных концов. Один из Низин, шёл с юга, видел у ручья свежие следы, когтистые, много. Другая из-под Земли троллей, от северного тракта, и говорит то же самое. И у обоих следы шли в одну сторону.

— В какую?

— На запад. — Дирк пошевелил плечом. — И это всё. Ни следов боёв, ни убитых, ни разорённых хуторов. Просто следы, будто кто-то шёл мимо.

— Так не бывает, — сказал Грид.

— Я тебе больше скажу: я в это не верю, — сказал Дирк. — Может, их что-то гонит с той стороны. Может, они просто переходят с места на место, как скот перед дождём. Я не знаю.

Он помолчал.

— И пока пощупать нечего. Мужики клянутся, что видели, а доказать нечего; Слору я с этим не пойду, он меня за паникёра держать начнёт. — Дирк поморщился. — Так что пока это тупик. Мёртвый, как тот минотавр.

— Пока?

— Пока. — Дирк поднялся. — Держи это в уме, Грид. Не в отчёте, а в уме. Если я где-то проколюсь, это потом мне сниться будет.

Он пошёл к двери, потом остановился и обернулся.

— Иди в зал. Я сейчас выйду, надо кое-что объявить.

В зал Грид вернулся первым, и зал уже был набит так, что у доски не протолкнуться. Авантюристы стояли плечом к плечу, кто-то сидел на подоконнике, кто-то взобрался на лавку. Пахло потом, кожей и дешёвым вином.

— Что случилось-то? — спросил у Грида парень с каменным жетоном на шнурке.

— Сейчас скажут.

Лаки стоял у стойки и с интересом смотрел, как наполняется зал. Потом наклонился к Гвен.

— Это чего? — спросил он вполголоса. — Война?

— Не похоже. Тогда собрали бы всех, а не тех, кто под рукой.

— Награда кому-то?

— Может, и награда.

— Большая, если при всех, — сказал Лаки. — Или взбучка. Тоже при всех.

— Вот и помолчи.

— Я и молчу.

Грид, стоявший в двух шагах, улыбался. Улыбался он спокойно, без злорадства, и Лаки это заметил.

— Ты чего? — спросил он.

— Ничего.

— Ты чего улыбаешься?

— Хорошее настроение.

— У тебя не бывает хорошего настроения, — сказал Лаки и огляделся: не заметил ли кто ещё.

Дирк вышел на верхнюю ступеньку и положил руки на перила. В зале стало тихо, как бывает только тогда, когда начальник молчит дольше обычного.

— Я долго говорить не буду, — сказал он. — Сегодня великий день для гильдии. И для города.

Внизу загудели. Лаки вытянул шею, выглядывая, кого же позовут.

— Лаки, — сказал Дирк. — Выйди сюда.

Лаки не двинулся и обернулся к Гвен.

— Меня?

— Тебя, — сказала Гвен. — Иди.

Лаки побледнел так, что шерсть на морде потемнела.

— Если что, сабли мои забери, — шепнул он ей и пошёл.

Шёл он через весь зал, и зал расступался, и было слышно, как скрипят половицы под его лапами. Грид смотрел ему в спину и думал, что такого лица у Шутника он не видел даже в бою.

Лаки поднялся на две ступеньки и встал рядом с Дирком, сцепив лапы за спиной, как провинившийся подмастерье.

— Тигролюд Лаки, по прозвищу Шутник, — сказал Дирк, и голос у него вдруг стал ровный, каким он объявлял только самое главное. — Серебряный ранг. В гильдии без малого пятьдесят лет: он ещё со мной ходил и с отцом Грида. До прошлого года — один. Закрыл столько заданий, что сам сбился со счёта, а отчёт носит мне только потому, что я заставляю.

В зале засмеялись.

— За доблесть, — продолжал Дирк, — за работу и за то, что он один брался за то, на что других собирают отряд, гильдия Ревгара присваивает Лаки по прозвищу Шутник золотой ранг.

Сначала было тихо. Потом грохнуло так, что с потолка посыпалась пыль.

— Что? — сказал Лаки. Это было единственное, что он смог сказать. — Что?

Дирк вынул из кармана жетон и вложил ему в лапу.

Жетон был золотой, тяжёлый, с оттиском весов и меча. Лаки держал его на раскрытой ладони и смотрел так, будто ему дали не награду, а обвинение.

— Это мне?

— Тебе.

— Так это… не выгоняют?

— Нет, — сказал Дирк.

Кети уже визжала у стойки, Филиция хлопала в ладоши над головой, Фрэд кричал Лаки что-то через зал, и Гвен смеялась, откинув голову.

— Золотых в Ревгаре наперечёт, — сказал Дирк, перекрывая шум. — Позорь звание умеренно.

Грид поднялся по ступенькам и протянул руку.

— Поздравляю.

Лаки переложил жетон в левую лапу, правой схватил его руку и тряс куда дольше, чем следовало, и всё повторял:

— Я думал, ты меня сейчас выгонишь. Я всю дорогу думал, что ты меня выгонишь.

— Всю какую дорогу?

— С каменоломен! — сказал Лаки. — Я же тогда сказал про формы.

Фамулус, стоявший у стены, повернул голову и сказал коротко:

— Поздравляю.

Лаки обернулся к нему и засмеялся, и в этом смехе было столько облегчения, что зал опять загудел.

— Ставлю на завтра, — сказал Грид, когда стало потише. — Днём. У меня, за южными воротами.

— На что ставишь? — не понял Лаки.

— На стол. Свинью зарежем, рыбы наловим, бочку пива привезём. — Грид кивнул на жетон. — И обмоем как следует.

Лаки посмотрел на золотой жетон, потом на Грида, потом опять на жетон.

— Обмыть золото, — сказал он медленно. — Мне нравится, как это звучит.

Дирк спустился со ступеньки и встал рядом.

— Кого зовёшь?

— Тебя с женой и с дочерью, — сказал Грид и начал загибать пальцы. — Биора с Хельгой. Броудерза с его Сагой, там Лая и пёс. Наследие — Аркса, Шорла, младшего тоже. Тилдорфа. Гирзи.

— Тилдорф приедет, только если ему будет о чём поговорить, — сказала Гвен.

— Будет рыба и будет спор. Про морских тварей. Он придёт.

— Гирзи придёт и без спора, — сказал Лаки. — Где выпивка, там и он. Где он, там и сделка.

— Он не покупает, он продаёт.

— Тем более.

Дирк почесал бороду.

— Дом-то у тебя небольшой.

— Дом небольшой, — согласился Грид. — Берег большой.

— Старая ты скотина, — сказал Дирк без злобы. — Ладно. Но если кто полезет в озеро в одежде, я уеду.

— Всегда кто-нибудь лезет.

— Знаю. Поэтому и говорю.

Кети уже писала, высунув язык от старания, и Филиция диктовала ей имена поверх плеча. Двое молодых авантюристов вызвались отнести записки в гильдию магов и в гильдию торговцев, и Грид дал им по серебряку, чтобы не спорили, кто пойдёт.

— Мясо я привезу сам, — сказал Броудерз, подходя. — У меня знакомый держит свиней, я с ним в цене сойдусь.

— Отлично, — сказал Грид. — Только не торгуйся до полуночи, как в прошлый раз.

— Я торговался до полуночи, потому что он жулик.

Грид посмотрел на Фамулуса, который так и стоял у стены.

— Ты-то и так дома, — сказал он. — Но чтобы не стоял в стороне. Выйдешь во двор, постоишь с людьми.

— Я не ем, — сказал голем.

— А ты постой. Флио обрадуется.

Фамулус помолчал, будто взвешивал, и кивнул.

Лаки тем временем показывал жетон кому-то у доски, и вокруг него уже собралась кучка. Кто-то хлопал его по плечу, кто-то просил посмотреть поближе, и Лаки держал жетон на

ладони и поворачивал его, чтобы золото ловило свет.

— Завтра к полудню, — сказал Грид. — Кто раньше придёт, тот и дрова носит.

В зале засмеялись.

На улице было уже темно и свежо. Грид постоял на крыльце, посмотрел на фонари, на редких прохожих, и вспомнил про Марию.

Она скажет много. Скажет, что он не предупредил, что завтра к полудню полгорода, что свинья сама себя не зажарит и что у неё всего две руки. Потом подумает, потом вздохнёт, потом позовёт соседок, и к утру во дворе будут столы, кадки и кто-нибудь обязательно зарежет ту свинью раньше, чем Грид успеет встать.

Он поправил топор на плече и пошёл к южным воротам.

К полудню во дворе было готово всё.

Мария, как он и думал, сказала много, а сделала больше. К утру во дворе стояли три стола, сколоченные из чего попало и накрытые чистыми холстами, кадки со льдом, корыта с зеленью, а свинья, которую привёз Броудерз, уже висела над ямой с углями, и двое соседей поливали её рассолом из ковша.

Половину тяжёлого таскал Фамулус. Он вынес из сарая стол на плече, один, будто тот был из соломы, принёс две кадки с водой и поставил жерди для навеса, и всё это без единого слова. На нём был передник, а на пластине лица — новое лицо, парадное: Флио рисовала его всё утро, и на этот

раз глаза получились ровные, и даже с ресницами.

— Он у меня красивый, — сказала она, отойдя на два шага и оценивая работу.

Гости начали сходиться, когда солнце поднялось над лесом.

Первым пришёл Биор, огромный, в чистой рубахе без рукавов, с Хельгой под руку. Грид привык видеть кузнеца в кожаном фартуке и в саже по локоть, а тут стоял седой исполин в праздничной рубахе, и от этого лицо у него было совсем другое, добрее.

Потом пришли из гильдии. Броудерз привёл свою Сагу: Лая держалась рядом, пёс Рой обнюхал Ёкса и решил не связываться. Наследие пришло в полном составе — Аркс, Шорл и младший Диен, который уже ходил с Гридом на задание, а тут впервые видел его без брони, в простой рубахе, и весь обед просидел с открытым ртом.

Дирк пришёл с женой и дочерью, в новой рубахе и с расчёсанной бородой. Привычнее всего было видеть его с папкой под рукой, а папки не было, и от этого он сразу выглядел и старше, и добрее.

— Не смотри так, — сказал он Гриду. — Я и без бумаг кусаюсь.

Тилдорф явился последним, как и подобает магу, и явился в льняной рубахе и сандалиях. Мантии на нём не было, и от этого он выглядел не старым эльфом, а очень уставшим человеком, который решил на один день ничего не знать.

— Не начинайте без меня, — сказал он с порога. — И где ваша рыба? Мне обещали рыбу.

Гирзи пришёл с двумя ящиками, и Грид сразу сказал, что торговать сегодня не даст. Гирзи ответил, что это не товар, а подарок, и в ящиках действительно оказалось вино, дорогое, с императорским клеймом.

Все были одеты непривычно. Грид стоял с кружкой и смотрел на двор, и его не оставляло чувство, что он попал на чужой праздник: люди, которых он привык видеть в броне, с топорами и в крови, ходили по его двору в рубахах и платьях, смеялись и накладывали друг другу мясо.

Гвен пришла в платье. Платье было тёмное, простое, и она в нём то и дело одёргивала подол, а саблю всё равно повесила на пояс, и Грид решил не говорить про это ни слова.

Лаки сидел во главе стола, и жетон лежал перед ним, как на блюде. К нему подходили, чокались, хлопали по спине, и с каждой кружкой он рассказывал историю про циклопиху заново, и с каждым разом циклопиха становилась больше, а они с Фамулусом — быстрее.

— Врёт, — сказала Гвен, садясь рядом с Гридом.

— Пусть.

— Она была в два раза меньше.

— Пусть будет в два больше, — сказал Грид. — Ему сегодня можно.

Флио носилась между столами, таскала с тарелок куски и один раз уронила на Тилдорфа целую плошку с зеленью.

Тилдорф посмотрел на неё сверху вниз, потом вытер рукавом зелень с колена и сказал:

— В моё время такие дети вырастали в архимагов.

— А в наше? — спросила Флио.

— А в наше их зовут к столу есть, а не кидаться, — сказала Мария и утащила её за руку.

Стало шумно и хорошо. Пахло жареным мясом, дымом и пивом. Кто-то уже затянул песню, кто-то с ним спорил, что петь надо не так, Ёкс лежал под столом и терпеливо ждал, кто бросит ему кость.

Грид обошёл двор, поставил пустую кружку и не спеша пошёл к берегу. Там, в стороне от столов, стоял Фамулус в переднике с нарисованным лицом и смотрел на воду.

— Ну что, — сказал Грид, встав рядом. — Празднуем?

— Празднуем, — сказал Фамулус.

А за столами уже нашёлся новый повод для шума.

— А ну-ка, — сказал Лаки, когда третий тост был выпит и мясо съедено до половины. — Грид. Армрестлинг.

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что тебе больно будет.

— Мне? — Лаки стукнул себя в грудь. — Я сегодня золотой. Золотым не бывает больно.

Стол освободили в минуту. Гирзи тут же объявил, что принимает ставки, и Кети с Филицией полезли за кошельками. Флио поставили судить, и она села на край стола, свесив

ноги, очень серьёзная.

— Локти на столе, — сказала она. — Я считаю до трёх. Раз, два...

Лаки не досчитал. Его лапа легла в ладонь Грида, и на счёте «три» она уже лежала на столешнице, а сам Лаки по инерции слетел с лавки и остался сидеть на траве.

— Больно? — спросил Грид.

— Нет, — сказал Лаки с земли. — Обидно.

Следующим сел Броудерз. Он долго устраивался, примерялся, потом посмотрел куда-то за плечо Грида и сказал: «Это чей пёс унёс мясо?» — и, пока Грид поворачивал голову, дёрнул первым.

Пёс ничего не унёс. Грид посмотрел на него, потом на Броудерза, и Броудерз вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Суди честно.

Его рука дошла до стола так же, только медленнее.

— Можно мы втроём? — спросил Шорл.

Грид посмотрел на Аркса, на Шорла и на младшего Диена, у которого от гордости уже дрожали руки.

— Можно.

Они сложили ладони друг на друга, и вышла этакая гроздь из трёх рук, а Грид подставил свою одну. Зал притих. Наследие навалилось разом, все трое упёрлись ногами в землю, и стол под ними поехал.

Грид подождал, пока они выложатся до конца, и прижал всю гроздь к столешнице.

— Всё равно нечестно, — сказал Аркс, разминая пальцы. — Ты не человек.

— Наполовину, — сказал Грид.

Потом подошёл Дирк. Он сел, положил локоть, посмотрел на руку Грида, снял локоть со стола и сказал:

— Я лучше выпью.

И вот тогда сел Биор.

Кузнец был выше Грида на полголовы и шире его в плечах, и рука у него была не рука, а наковальня, обтянутая кожей. Он вытер ладонь о рубаху, положил локоть и сказал:

— Давай, малец.

Флио посчитала до трёх, и ничего не произошло.

Обе руки стояли ровно, как вырезанные из одного дерева. Двор замолчал. Кто-то из молодых засмеялся и сразу заткнулся. Биор навалился, Грид ответил, и под скатертью что-то хрустнуло.

— Стол, — сказала Мария.

— Мы осторожно, — сказал Грид, не поворачивая головы.

Прошло столько времени, сколько нужно, чтобы сосчитать до тридцати. Биор дышал через нос, коротко и тяжело, и у него на шее вздулись жилы. Грид сидел прямо, только чуть подался вперёд.

Потом рука кузнеца пошла вниз. Медленно, на палец, на два, и наконец легла на стол.

Двор выдохнул и заорал.

— Ты железный, — сказал Биор, вытирая лоб. — Я так

и знал.

— Ты держал дольше всех.

— Я держал дольше всех, потому что мне сто пятьдесят семь лет, — сказал кузнец. — Стыдно проиграть мальчишке за три счёта.

Грид посмотрел на Фамулуса, который всё это время стоял рядом.

— А ты не садись.

— Я и не собирался, — сказал голем.

Мария подошла к столу, посмотрела на трещину в столешнице, сказала всё, что думала, и велела вынести из сарая новый.

Гирзи раздавал выигрыши, Кети спорила с ним из-за двух серебряков, Лаки требовал реванш и уверял, что в этот раз он был не готов.

— Ставлю на Биора, — сказала Гвен.

— Он проиграл, — сказал Грид.

— Я ставлю на Биора в следующий раз.

Становилось темнее, угли в яме дышали жаром, и над озером поднялся туман.

Утром Грид проснулся оттого, что в доме скрипнула половица.

Голова у него была ясная. Совсем. Он полежал, прислушиваясь к себе, и не нашёл ни тяжести в затылке, ни сухости во рту, ни того тягучего состояния, с которым обычно люди встречают утро после такого вечера. Регенерация не

спрашивала, хочет он похмелья или нет, и просто не оставляла ему выбора.

Гвен лежала рядом, свернувшись, уткнувшись носом в подушку, и одно ухо торчало из-под одеяла. Грид частенько просыпался и видел Гвен и давно выучил: будить её надо осторожно, а лучше не будить вовсе.

Он встал, натянул штаны и рубаху и выглянул в окно.

Двор был разорён так, как бывает только после хорошего праздника: столы сдвинуты, скатерти сдёрнуты, в яме седая зола, у забора спит чей-то пёс. У крыльца стоял Фамулус, и рядом с ним лежали сложенные в ровную пирамиду лавки и кадки. Он не спал всю ночь и к утру успел убрать половину двора.

В сенях раздались шаги, и в дверь застучали.

— Дядя Грид! — крикнула Флио. — Там Ёкс утащил мясо! Он целиком утащил, я видела!

Грид вышел на крыльцо.

Ёкс действительно утащил мясо. Половину свиной лопатки он затащил под яблоню и там лежал, положив на неё лапы, и смотрел на всех с таким видом, будто мясо выросло само и он просто охраняет урожай. Грид отнял у него то, что осталось, и Ёкс обиделся и ушёл в сарай.

Дом между тем был полон.

На лавке в сенях спал Аркс, прикрыв лицо рукавом, и храпел так, что половицы отзывались. На полу у печи лежал Шорл, подложив под голову собственный сапог. Броудерз

спал во дворе, на сене, и рядом с ним спал его пёс, а Лая сидела на крыльце с кружкой в руках и смотрела на озеро, и по лицу её было видно, что она уже давно не спит и ей это нравится.

Тилдорф обнаружился в комнате.

Он спал в кресле, откинувшись, вытянув ноги, и на коленях у него лежала книга, которую он, видимо, пытался читать, а потом сдался. Флио, у которой на всё находилось одеяло, накрыла его своим — маленьким, детским, до пояса.

Эльф набрался так, что идти домой уже не мог, а признаться в этом не мог тем более, поэтому выбрал компромисс: сел в кресло и сделал вид, что просто читает.

— Тилдорф, — сказал Грид.

— Я не сплю, — сказал Тилдорф, не открывая глаз. — Я обдумываю.

— Что обдумываете?

— Как я сюда попал.

Он открыл один глаз, посмотрел на свет, потом на Грида, и лицо у него стало совсем страдальческим.

— У тебя отвратительное пиво, — сказал он.

— Вы его пили до четырёх.

— Я пил его из вежливости.

Гвен вышла во двор уже одетая, с саблей на поясе, и, судя по лицу, ей не было так хорошо, как Гриду. Она выпила воды из кадки, потом ещё ковш, потом сказала:

— Если я когда-нибудь ещё соглашусь пить с Гирзи, яду

мне в кружку.

— Ты пила с Биором, — сказал Грид.

— Тогда яду Биору.

Лаки уже не было ни в доме, ни во дворе. Грид нашёл на заборе его куртку, а под скамьёй — один сапог. Второй сапог обнаружился у Фамулуса в руках: голем нёс его, как несут вещь, которую надо вернуть владельцу, но не знают, где он.

— Ушёл босиком? — спросил Грид.

— В одном сапоге.

Грид хмыкнул: тигр ушёл домой ни свет ни заря, забыв куртку и половину обуви, и это было очень на него похоже.

— О чём думаешь? — спросила Гвен, садясь рядом.

— О том, что сапог надо вернуть.

— Заберёт, — сказала Гвен. — Такого тигра без сапог надолго не хватит.

Грид засмеялся. Над озером поднимался туман, и вода стояла гладкая, как стекло.

— Ладно, — сказал он и встал. — Двор разбирать надо.

Глава 3. Соревнования часть 1.

Записка была короткой и без единого лишнего слова: «Зайди. Дирк».

Грид прочитал её на крыльце гильдии, сложил вчетверо и сунул за пазуху. За окнами второго этажа горел свет, и в зале уже гудели, хотя до вечера было далеко. Осень только началась, дни стояли ещё тёплые, но по утрам над озером держался такой туман, что рыба брала вяло, и Грид вернулся с двумя лещами.

Дирк сидел за столом один. Перед ним лежало письмо, тяжёлое, на плотной бумаге, с печатью размером с ладонь, и рядом стояли две кружки. Вторая была налита. Это означало, что разговор будет длинным.

— Садись, — сказал Дирк. — И не перебивай.

— Я и не начинал.

— Ты сейчас начнёшь. — Дирк подвинул ему кружку. — В Белгаре соревнования. Через девять дней. Обозы на столицу уходят послезавтра.

— Знаю, — сказал Грид.

— Ты не знаешь, о чём я.

— О соревнованиях на лучшего авантюриста. — Грид отпил. — Я там пять раз стоял, Дирк. Пять раз и выиграл. Меня туда зовут так же, как зовут в баню: знают, что приду, и знают, чем кончится.

Дирк посмотрел на него поверх кружки и ничего не сказал.

— Что? — спросил Грид.

— Тебя опять не в список.

Грид отставил кружку.

— Опять особый?

— Так. — Дирк развернул письмо и подтолкнул его по столу. — Читай.

Бумага пахла типографской краской и ещё чем-то кислым, чем пахнут все казённые бумаги на свете. Писала белгарская гильдия, и писала долго, витиевато, с уважением к каждому своему слову. Вначале шло про честь, оказанную городу Ревгару, потом про славу, потом про то, что имя Грида по прозвищу Троллья Чума известно в столице не хуже, чем в провинции.

А потом начиналось главное.

— «Приглашаем упомянутого авантюриста принять участие в играх особым участником», — прочитал Грид вслух. — Третий раз подряд.

— Третий, — согласился Дирк. — Ты и сам знаешь, как это устроено. Жребий тебе не тянуть, ты сидишь, смотришь, пьёшь их вино. А на последний день выходишь против победителя нижней ступени и против победителя верхней. Один бой и другой.

— Зачем?

— Потому что у них там двадцать лет одни и те же, —

сказал Дирк. — Третий год верхнюю ступень держит Джей.

— Красный Рыцарь.

— Красный Рыцарь. В нижней — то исполин, то упрямый мальчишка из провинции. Зрители привыкли. А привычка, Грид, стоит дороже, чем арена.

— Им нужно зрелище.

— Им нужно, чтобы кто-то сильный вышел против их победителя и не упал на первом ударе. — Дирк постучал пальцем по столу. — В столице знают, что в Ревгаре есть адамантитовый. И знают, что он пять раз брал их венок, а теперь приезжает только против победителей.

— Джей уже мифриловый.

— В бумаге написано «золотой», — сказал Дирк.

Грид молчал.

— Тебе там хорошо платят, — сказал Дирк. — Четыре сотни золотом за оба боя, не считая того, что отдадут устроители. Плюс содержание, комнаты, стол, дорога за их счёт. Отказаться можно. Но если откажешься, в следующий раз приглашение пришлют не тебе, а мне — с вопросом, почему в Ревгаре не нашлось человека, способного оказать любезность.

— Ну да, — сказал Грид. — Любезность.

— Именно, — сказал Дирк невозмутимо.

За окном кто-то уронил в зале стойку с оружием, и все, кто был внизу, разом заговорили.

— Кто едет? — спросил Грид.

— Три отряда. — Дирк загибал пальцы. — «Буря» Ларса. «Медвежья лапа». «Зелёная Сага».

— Лаки-то зачем?

— Лаки теперь золотой, — сказал Дирк. — Ему надо показаться. Про него в гильдии говорят, а в столице о нём не знают ни слова. Пусть увидят.

— А Ларс?

— Ларс пойдёт в верхней ступени.

Грид хмыкнул.

— Ларс меня не любит.

— Ларс тебе завидует, — сказал Дирк. — Это совсем другое, и дерётся он от этого только злее. — Он сложил письмо и убрал в ящик. — Список отрядов подаю завтра. Ответ мне нужен до вечера. Скажешь «да» — подпишу и отправлю с обозом, который уходит послезавтра.

Грид взял кружку и допил.

— А если победитель верхней ступени меня уложит?

— Тогда, — сказал Дирк, — я буду очень удивлён.

Он помолчал и добавил уже другим голосом, тише и проще:

— Поезжай, Грид. Тебе не мешает раз в год побыть не рыбаком, а тем, кем тебя считают.

— Ладно, — сказал Грид.

Дирк кивнул и подвинул к себе бумаги.

— Тогда я подписываю, а ты иди к своим. И скажи Лаки, что ему придётся надеть что-нибудь приличнее полоса-

той шкуры.

Дома всё решилось быстрее, чем он думал.

— Еду, — сказала Гвен, не дослушав.

— Я тебя ещё не позвал.

— Тебя позвали, значит, и меня позвали. — Она уже доставала из сундука мешочек с наконечниками. — Я железная, значит, в нижней ступени. И внизу там будут не одни мальчишки.

Фрэд, услышав про соревнования, сначала долго молчал, потом спросил:

— А на меня заявку подали?

— На весь отряд подали.

— Тогда ладно, — сказал он и пошёл точить копьё, и по спине было видно, что он доволен и боится признаться.

Лаки, когда узнал, что золотой идёт в верхней ступени, поставил кружку так, что пиво выплеснулось.

— В верхней? С Джеем?

— С Джеем, — сказал Грид. — Если он до тебя дойдёт.

— Пусть доходит, — сказал Лаки и тут же сел. — Пусть доходит, я не боюсь. Я просто хочу знать заранее, чтобы успеть придумать что-нибудь умное.

Мария узнала последней и отнеслась к этому так, как относилась ко всему, что уводило Грида из дома: помолчала, посчитала дни, потом начала собирать в дорогу.

— Ёкс с тобой не поедет, — сказала она.

— Знаю.

— Он большой, его на арене увидят, и потом весь Белгар будет говорить, что в Ревгаре держат чудовище в сарае.

— Он не чудовище, — сказал Грид. — Он мой кот.

— Ну конечно, кот, — сказала Мария.

Ёкс, услышав своё имя, поднял голову от печи и посмотрел на всех по очереди. Грид присел, взял его за уши, потрепал и сказал:

— Дом охраняй.

Ёкс зевнул.

Обоз ушёл через день, утром, когда над озером опять стоял туман. Три фуры, четыре верховые лошади, санитарная повозка, потому что Сиаэл настоял, чтобы отряды ехали с лекарем, и дюжина авантюристов, которые шли при своих отрядах.

Фамулус всю дорогу шёл пешком. Ему предлагали сесть рядом с возничим, потом на запасную лошадь, потом снова на воз; он отказывался коротко и вежливо, и к концу третьего дня уже никто не спрашивал.

Дорога шла на северо-восток, по тракту, между полями, которые убирали к зиме. Ночевали в придорожных селениях, а один раз — под открытым небом, в роще, потому что возница последней фуры сломал ось и чинил её до рассвета.

На седьмой день тракт стал другим: шире, с каменным настилом, по краям — столбы с фонарями, а мимо шли и шли люди, повозки, стада, купеческие караваны с охраной, гонцы в пыли и чьи-то слуги с носилками. Дорога сделалась шум-

ной, как улица.

— Смотри, — сказал Лаки, стоя на подножке фуры.

Впереди, за холмом, поднимались стены. Не такие, как в Ревгаре: те можно было обойти за 3 часа, а эти уходили в небо серой полосой и тянулись вправо и влево до самого края земли. Над ними висели знамёна, и белые, и пёстрые, и было их столько, что казалось, будто город обвязали разноцветными лентами.

— Белгар, — сказал Гвен.

Лаки долго молчал, а потом сказал:

— А я думал, Ревгар — большой город.

Обоз втянулся в ворота к вечеру, когда над столицей уже зажглись фонари, и сразу стало тесно: улица, другая, третья, толпа, крики, запахи. Фуры развернули к южной окраине, где для приезжих отрядов держали заезжие дворы, и там, у широких ворот, уже стояли чужие фуры, чужие лошади и чужие люди, которые смотрели на прибывших так, как смотрят на соперников.

— Приехали, — сказал Грид.

Человек от устроителей пришёл наутро, когда фуры ещё разгружали. Он был в сером, с папкой под мышкой и чернильницей на поясе, и держался так, будто видел всё, что тут можно увидеть, и ничего нового не ждал.

— Заявка от Ревгара, — сказал он, не здороваясь. — Имена, ранги, оружие. Кто старший?

— Я, — сказал Грид.

Писец поднял глаза, посмотрел на него снизу вверх, потом в папку, потом опять на него.

— Троллья Чума. Особый участник, — сказал он с уважением, которого хватило ровно на одно слово. — За вами отдельная строка, в жеребьёвку вы не идёте. Кто ещё?

— Лаки. Шутник, — сказал Лаки, выступив вперёд. — Золотой.

— С какого месяца?

— С прошлой недели.

Писец помолчал, посмотрел на него, потом перевернул страницу и стал писать. Лаки вытянул шею, пытаясь увидеть, что именно.

— Пиши ровнее, — сказал он. — Я теперь золотой, мне важно, как записано.

— Гвен. Железо, лук и сабля, — сказала Гвен.

— Фрэд. Камень.

— Оружие?

— Копьё и баклер. И меч, и костяной щит.

— В лист идёт одно. Что в руках на первом бою?

Фрэд подумал, будто от этого зависело что-то важное, и сказал:

— Копьё и баклер.

Писец дошёл до конца списка и обвёл глазами двор.

— Ещё кто?

— Фамулус, — сказал Грид.

— Кто таков?

— При мне.

Писец полистал папку, потом закрыл её.

— В книге гильдии его нет, значит, и в листе не будет. Не авантюристов на арену не пускают, даже при отряде. — Он щёлкнул папкой и пошёл к воротам, где ждали ещё три отряда, и его уже звали со всех сторон.

Сетку вывесили к полудню у стены арены, и к той стене сбежался весь приезжий люд.

Арена оказалась не такой, как её представлял Лаки. Она была огромная, круглая, и стена её поднималась выше городских ворот; над песком висел, покачиваясь, полог, и в его тени было прохладно, а на трибунах, куда ни глянь, сидели, стояли и свисали через перила люди, звери, эльфы и кто-то такой, кого Грид не смог опознать даже со второго взгляда.

На досках, под стеклом, висели листы, и в каждом — строки, имена, пустые клетки для следующего круга.

— Так, — сказал Лаки, встав на цыпочки. — Верхняя. Джей. Кассиан. Дорн. Оннар. Тэсса. Ларс. И я.

— Читай, с кем, — сказал Грид.

Лаки нашёл свою строку и замолчал. Потом сказал:

— С Ларсом.

Сзади кто-то засмеялся коротко и зло. Ларс стоял в трёх шагах, в дорожном плаще, с папкой ещё под одной рукой, и вид у него был такой, будто он получил подарок.

— Ну, — сказал он, — хоть кто-то из ваших.

— С ума сойти, — сказал Лаки. — Первый круг.

— Первый круг, — подтвердил Ларс. — Считай, тебе повезло: дальше бы пришлось ждать.

Он ушёл, и кто-то из его отряда, Джон, кажется, обернулся и посмотрел на Лаки без злобы, скорее с сочувствием.

— А я? — спросила Гвен и нашла своё имя. — Мира. Ласточка. Это та сантгарская, с луком.

— А ты с кем?

Фрэд нашёл свою строку и постоял над ней дольше, чем нужно.

— С Джоном.

— Это который «Буря»?

— Да. — Фрэд почесал шею. — Свой. Из Ревгара. Вот и встретились.

— На арене все свои, — сказала Гвен. — Просто не все об этом помнят.

Верхнюю ступень Грид прочитал сам. Тэсса против Оннара — водяная против исполина, и было в этой паре что-то такое, о чём зрители уже перешёптывались. Кассиан против Дорна — столичный магистр против столичного бывшего раба, и вокруг этой пары стояло больше всего народу, потому что Белгар любил смотреть, как своих бьют своих. Джей не значился ни с кем: у него была пустая клетка и подпись, что он проходит дальше без боя.

— Ему и так не с кем, — сказал кто-то рядом.

Грид посмотрел на последний лист, где стояла его строка. Она была отдельной, короткой, и в ней пока не было имён:

только два места, куда впишут победителей, и дата — последний день игр.

Из камер за стеной глухо донеслось, как кто-то бьёт по доскам и ругается, и толпа у доски зашумела веселее.

Игры начались на следующее утро, и начались снизу.

Первыми выпускали тех, кто носил дерево, уголь, камень и железо: до стали и выше доходило позже, к полудню, а золото не выходило вовсе, и трибуны, полные с ночи, терпеливо ждали своего.

Сначала на песок вышли двое в стёганых куртках и с деревянными мечами, и толпа смотрела на них снисходительно, как смотрят на детей, которые играют в войну. Потом вышли угольные, и стало интереснее. Потом объявили пару из нижней ступени, и Лая, услышав своё имя, вскочила и уронила с колен мешочек с бинтами.

— Спокойно, — сказал Броудерз. — Ты выйдешь, посмотришь, где стоишь, и не дашь ей себя достать.

— Она эльфийка.

— И что?

— Она эльфийка, — повторила Лая и тут же прикусила язык, потому что повторять было нечего.

Ниса ждала её посреди арены, тонкая, в лёгком кожаном доспехе, с посохом, на котором мерцал камень. Песок под ней уже потемнел от воды: она налила его заранее, щедро, широким кругом, и стояла в самой середине, будто приглашала зайти.

Лая зашла.

Первый раз она упала сразу: нога поехала на мокром песке, и она села на пятую точку так неловко, что трибуны засмеялись, и она услышала этот смех весь целиком. Встала. Пошла снова, уже осторожнее, и Ниса не стала ждать: повела воду под ноги, и Лая упала во второй раз, но уже на бок, и успела выставить руку.

Третий раз был обиднее всего: Лая всё-таки добралась до неё и даже замахнулась, а Ниса шагнула в сторону, чуть толкнула её в спину, и Лая снова легла на песок, уже лицом.

— Три, — сказал судья.

Броудерз встретил её у выхода из камеры и ничего не сказал, а просто взял у неё мешочек с бинтами и понёс сам.

— Я даже не достала её, — сказала Лая.

— Достанешь в другой раз.

— Она даже не вспотела.

— Она эльфийка, — сказал Броудерз. — Они не потеют.

Лая всхлипнула и тут же засмеялась, и это было хуже слёз, потому что смех шёл с всхлипом пополам.

Потом объявили Гвен. Грид стоял у решётки в камере и смотрел, как она выходит на песок — не спеша, с луком в руке, с саблей на поясе, и на трибунах кто-то свистнул.

Мира уже ждала. Она была маленькая, лисья, в короткой куртке, и двигалась так, будто земля под ней была чуть другой, чем под всеми остальными.

Гвен выстрелила первой и промахнулась, потому что Ми-

ра не отскочила, а просто переступила на полшага в сторону. Вторая стрела ушла туда же, где была тень. Мира пригнулась, сорвала с ремня дротик и метнула, и Гвен успела отбить его луком.

— Не достанешь, — сказала Мира весело. — Я быстрее.

Гвен отбросила лук.

Она пошла на неё обычным шагом, и Мира приняла это за хороший знак: подпустила ближе, а потом повернулась так, чтобы оказаться за плечом и вынырнуть уже сбоку. «Скользнуть» у неё выходило красиво, и толпа это заметила и загудела.

Только во второй раз Гвен ждала.

Она не пыталась поймать её руками. Она достала из-за пазухи мешочек, размахнулась и кинула ей под ноги, и Мира вдохнула полной грудью на бегу, чтобы сказать что-то ещё, и вместо слов получила перец — в нос, в глаза, во всё лицо.

Скользить по песку с горящими глазами у неё уже не получилось. Гвен догнала её в три шага, взяла за шиворот и уложила на лопатки, аккуратно, почти по-доброму.

— Один, — сказал судья.

Мира встала и полезла в карман за платком. Платка не было, и она тёрла лицо рукавом, а Гвен стояла в двух шагах и ждала, держа саблю в опущенной руке.

Второй раз Гвен не стала ничего изобретать. Она подошла вплотную, и с закрытыми глазами Мира ничего не смогла поделать: её попросту снесли на песок, как сносят мешок.

— Два.

Третий раз Мира честно попробовала уйти: развернулась, поддала песку пяткой, метнулась в сторону — и попала прямо в объятия Гвен, которая ловила её уже без всякой хитрости. Песок под ними взлетел, трибуны поднялись, и Мира, лёжа на спине и моргая, сказала мокро:

— Ну и ладно.

— Извини за перец, — сказала Гвен.

— Весь план мне испортила.

У решётки Броудерз сложил руки на груди.

— Мешочек надо было выше, — сказал он. — В глаза, а не в грудь.

Гвен обернулась.

— Ты же сам говорил: в морду.

— В морду твари, — сказал Броудерз. — У неё морда выше.

Он помолчал и добавил:

— Но сойдёт.

— Это ты её научил? — спросил Лаки.

— Я.

— И молчишь?

— А что говорить, — сказал Броудерз. — Она применила. Молодец.

Грид выдохнул. Лаки рядом хлопнул его по плечу, Фрэд — по спине, и у решётки стало шумно.

А потом объявили следующую пару, и в ней было имя Фр-

эда.

Серебро выпускали к вечеру, когда полог над ареной отбрасывал длинную тень на половину песка, и воздух под ним становился тяжёлым, как в бане. Трибуны к этому времени уже нагрелись, распоясались и требовали зрелища громко.

Джон вышел первым: щит, меч, спокойное лицо человека, который знает, что делает. Он поднял щит, посмотрел на Фрэда и коротко кивнул ему, как кивают на тренировке.

Фрэд кивнул в ответ и крепче взял копьё.

— Не давай ему сократить дистанцию, — сказала Гвен ему в спину. — Дерись по своим правилам.

Первое падение вышло быстрым. Джон не стал ничего выдумывать: шагнул под щит, ударил мечом в баклер так, что лязгнуло на всю арену, и, пока Фрэд разворачивался, подсек его ногой.

— Один, — сказал судья.

Толпа засмеялась. Кто-то крикнул:

— Каменный! Держись, каменный!

Фрэд поднялся. Песок прилип к кольчуге, на локте проступила кровь через прореху. Он не стал отряхиваться, а просто встал и снова взял копьё наперевес.

Во второй заход он закричал.

Грид потом вспоминал этот крик больше, чем всё остальное: не такой, как кричат от боли, а такой, как кричат, когда решают что-то для себя окончательно.

— Щит заступника!

И Джон пошёл на него.

Не шагнул, не перестроился, а именно пошёл, всем телом, забыв про свою умную работу щитом, потому что провокация била прямо в голову и требовала одного: добраться и ударить. Трибуны взвыли, ничего не понимая.

А Фрэд ждал.

Он встретил его точно, как его учили, и копьё пошло вперёд вместе со всем его телом:

— Укол вепря!

Острие ударило в щит Джона, в самую середину, и Джон отлетел на два шага и упал на спину.

Арена замолчала, а потом заорала, и Лаки от решётки крикнул что-то такое, чего Грид не разобрал, но подхватил весь ряд.

— Один, — сказал судья.

Джон поднялся, потрогал щит и посмотрел на пробитую кожу так, будто ему показали небывалое.

— Два, — сказал судья.

Дальше Фрэд держался долго. Он больше не пытался победить, он тянул: уходил с линии, принимал удары на баклер, один раз достал Джона по бедру и заставил его переступить. Трибуны уже не смеялись. Трибуны смотрели.

Третье падение вышло почти будничным: Фрэд устал, копьё отяжелело, и Джон наконец сделал то, что умел лучше всего, — зашёл сбоку и сбил его щитом.

— Три.

Фрэд лежал на песке и смотрел в полог, и в ушах у него шумело так, что он не сразу услышал, как Джон говорит ему сверху:

— Вставай.

Он подал руку. Фрэд взялся и встал, и трибуны захлопали — не так, как хлопали победителям, а так, как хлопают тому, кто остался стоять.

У решётки он ни на кого не смотрел.

— Я его уронил, — сказал он Гриду. — Я его правда уронил.

— Видел.

— Он серебряный.

— Видел, — сказал Грид и положил ему руку на плечо. — Копьё не сломал?

— Нет.

— Тогда всё в порядке.

Лаки уже рассказывал кому-то из «Бури», как всё было, и рассказ у него выходил куда длиннее правды. Гвен стояла рядом с Фрэдом и молчала, и это было лучше любых слов.

Пара из «Бури» прошла быстро и без огня: Рей, молодой, злой, в тёмной куртке, рванулся сразу и красиво, а Дэби просто отступила, подняла руку и залечила себе рассечённую бровь, пока он наматывал круги. К третьему падению Рей выдохся и сел на песок сам, и было видно, что ему обидно не от проигрыша, а от того, что зрители не запомнили ни одного его удара.

Потом объявили Броудерза.

Он вышел на песок в своей кожаной броне, с мифриловым топором в одной руке, щитом в другой и пращой на поясе, и вид у него был самый будничный: так выходят во двор, а не на арену.

Против него стоял Борх.

Борх был из тех людей, которых узнают по плечам: короткий, широкий, с башенным щитом, обитым по краю полосами мифрила, и коротким молотом в правой руке. Щит он держал низко, а сам смотрел из-за края, спокойно, будто уже знал, чем всё кончится.

— Якорь, — сказал он, когда судья опустил руку, и встал.

Броудерз не пошёл вперёд. Он раскрутил пращу и метнул камень, и камень ударил в шлем Борха так, что лязгнуло на все трибуны. Борх даже голову не повернул. Второй камень ушёл в кисть с молотом, третий — в край щита, и всё это было похоже на то, как если бы кто-то кидал горохом в стену.

— Кончай стучать, — сказал Борх. — Выходи.

Броудерз вышел.

Он подошёл вплотную, упёрся щитом в его щит и начал давить, и вот тут трибуны впервые замолчали, потому что было видно, как песок под ногами Борха поехал назад. Сантгарец не сдвинулся ни на палец, зато весь подался, уходя от давления, и на его шее вздулись жилы.

— Не сдвинешь, — прохрипел он.

— Я и не двигаю, — сказал Броудерз.

Он отпустил, отскочил и зашёл сбоку, и молот Борха ушёл в пустое место. Броудерз снова зашёл, снова, обходя его по кругу, как обходят столб, и всё это время говорил — негромко, ровно, без злобы:

— Ты стоять умеешь. Стоять — это у тебя хорошо. Только ты, когда стоишь, ничего другого не делаешь.

— И не надо.

— И не надо, — согласился Броудерз.

Он отошёл к самому краю, опустил топор и перевёл дыхание, и это было очень похоже на то, как человек сдаётся и решает поберечься. Борх дрогнул: опустил щит на пол-ладони, всего на пол-ладони, чтобы глянуть поверх.

Броудерз метнул камень прямо в открывшееся лицо.

Борх отшатнулся, вскинул щит обратно, перенёс вес на пятку — и башенный щит, тяжёлый, неудобный, потянул его назад. Он сел на песок, нелепо, боком.

— Один, — сказал судья.

— Ах ты ж, — сказал Борх.

Он поднялся и пошёл на него, и вот это была ошибка, потому что «якорь» держит, пока стоишь, а идущий Борх стал просто сильным человеком с очень тяжёлым щитом. Броудерз отступил, дал ему пройти два шага и подставил подножку.

— Два.

Третий раз вышел совсем простым. Борх устал ворочать щитом, устал злиться и устал от того, что этот человек в ко-

жаной броне не желает драться честно. Он поднял щит выше, чем нужно.

Броудерз ударил в него топором, отступил на полшага, ударил снова, и на четвёртый удар Борх не удержал равновесия и опрокинулся на спину, а щит накрыл его сверху, как крышка.

— Три.

Трибуны засмеялись и захлопали. Борх лежал под своим щитом, ругался коротко и метко, а когда поднялся, то посмотрел на Броудерза без всякой злобы.

— Хитрый, гад, — сказал он.

— Умный, — сказал Броудерз. — Тебе бы щит поменьше, глядишь, и я бы так не смог.

— Меньше не хочу.

Лая ждала его у решётки и вцепилась в руку так, что он поморщился.

— Ты видел?

— Видел, — сказал Броудерз.

— Он лежал под щитом! Под своим щитом!

— Он хороший боец, — сказал Броудерз. — Просто его научили стоять, а не думать.

Лидия, единственная, кому в этот вечер не досталось соперника, сидела на скамье у стены, точила наконечники и смотрела на песок с таким видом, будто ей это всё уже надоело.

Глава 4. Соревнования часть 2.

К утру второго дня в заезжем дворе уже никто не сидел за столом.

Фрэд с рассвета точил копьё, хотя точить его было нечего, и всё поглядывал на свою руку, где под повязкой темнела прореха от меча Джона. Лая варила что-то в котле и через каждые два вздоха помешивала, будто от этого зависело, чем кончится день. Лаки ходил из угла в угол и вслух перебирал, что скажет Ларсу, и с каждым разом его речь становилась всё короче и всё больше похожа на правду.

Сетку второго круга вывесили к полудню, и у стены опять стало не протолкнуться.

— Гвен против Нисы, — прочитал Лаки. — Джон против Лидии. Броудерз против Дэби.

Гвен кивнула, будто ждала именно этого.

— Та, что Лаю победила.

Ниса ждала её в тени, у самого края арены, и уже поливала песок: не жалея, широко, ровным кругом, как поливают грядку. Вода растекалась по сухому и впитывалась, и там, где она прошла, песок темнел.

Трибуны ждали знакомого: сейчас эта эльфийка будет лить воду, а северянка будет падать.

Только Гвен не пошла вперёд.

Она подняла лук и выстрелила с места, ещё до того как

судья опустил руку, и первая стрела ушла в песок у самых ног Нисы. Вторая — ближе. Третья — так близко, что Ниса отступила, и отступила на сухое.

— Не стой в луже, — сказала Гвен.

Ниса не ответила: она шагнула вбок, повела рукой, и вода потянулась за ней по песку следом, как живая. Гвен выстрелила ещё раз — Ниса пригнулась, и вода метнулась ей под ноги, закрутилась, готовая принять вес.

Гвен бросила лук.

— Быстрый шаг, — сказала она и пошла.

Вот этого на арене не ждали. Гвен пошла прямо в воду, не выбирая, где суше, и с каждым шагом расстояние между ними сокращалось так быстро, что Ниса не успела сделать и двух движений. Вода плеснула ей под колено, и Гвен поехала — не упала, но присела, потеряв полсекунды, — и всё-таки достала: ухватила эльфийку за рукав, дёрнула и опрокинула на спину вместе с посохом.

— Один, — сказал судья.

Трибуны, только что готовые смеяться, загудели совсем другим звуком.

Ниса поднялась и уже не улыбалась. Она больше не поливала песок широко: теперь вода собиралась у неё в ладони, и было видно, как её тянет к земле. Второй заход она встретила коротким толчком — вода ударила Гвен в колени, и та, поскользнувшись, всё же успела выставить саблю и поймать удар посоха на клинок.

— Тихий шаг, — сказала Гвен, и её голос на арене прозвучал негромко, потому что тихий шаг и требует тишины.

Она перестала шуметь. Ниса слышала её раньше, чем видела: по песку, по воде, по дыханию. Теперь не слышала ничего. Гвен обошла её с левой стороны, остановилась, когда эльфийка повернула голову не туда, и ударила саблей плашмя по кисти с посохом.

Посох упал. Вода, которую держала Ниса, разошлась по песку лужей и осталась лежать.

— Два, — сказал судья, потому что удар по кисти он счёл ударом, а Ниса, потеряв опору, всё равно села.

Третий заход был коротким. Ниса попробовала ещё раз собрать воду, но Гвен уже стояла вплотную, и всё, что эльфийка успела, — плеснуть ей в лицо горстью мокрого песка. Гвен зажмурилась, мотнула головой и снесла её плечом.

— Три.

Трибуны встали. Гвен постояла, вытирая лицо рукавом, потом подала Нисе руку и помогла встать.

— Ты быстро ходишь, — сказала Ниса, отряхиваясь. — Так нечестно.

— Это не ходьба, — сказала Гвен. — Это «быстрый шаг». Обычным шагом я до тебя шла бы вдвое дольше, и ты бы успела трижды меня утопить.

Грид у решётки не кричал и не хлопал. Он смотрел, как Гвен выходит с арены, вытирая лицо рукавом, и ловил себя на мысли, что привык видеть её рядом.

— Ты чего? — спросил Лаки.

— Ничего, — сказал Грид. — Дальше смотри.

Джон вышел против Лидии и управился быстро.

Лидия стреляла хорошо, но Джон шёл на неё не по прямой, а зигзагом, короткими шагами, и щит держал так, что из-за него торчал только шлем. Первая стрела ушла в край щита, вторая в песок, третья не успела уйти никуда: он уже был рядом. Он не стал бить её мечом, а просто толкнул щитом, и Лидия села, а потом упала ещё дважды, и было видно, что она сама не рада, что вышла.

— Извини, — сказал Джон, подавая ей руку.

— За что? — Лидия встала и отряхнула хвост. — Ты шёл зигзагом, как будто я тебе плачу за каждый поворот. На таком расстоянии я в жизни не попадала. Я, между прочим, шесть стрел успела.

— Пять, — сказал Джон. — Шестая ушла, когда я тебя уже толкнул.

— Значит, пять. Всё равно больше, чем у половины этой арены.

Дэби продержалась дольше.

Она была маленькая, светлая, с сумкой через плечо, и весь её бой был устроен просто: она отступала и лечила себя. Пока Броудерз её догонял, она затянула себе рассечённую бровь; пока он её ловил, она успела приложить руку к ушибленному бедру, и синяк сошёл на глазах у трибун.

Трибунам это нравилось. Трибуны вообще любят, когда

бой длится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.